

Прощай

— Ты сволочь, Доронин. Тебе самому от себя не противно?

— Противно, Элька, очень противно.

— Убирайся отсюда!

Он тяжело вздыхает. Чувствую его злость. Почему-то я всегда его тонко чувствую.

— Ты не дашь даже шанса?

Отрицательно качаю головой. У него нет права на этот шанс. У него больше ни на что нет права.

— Значит, все, что было между нами — это только твое потрясающее притворство?

— Что? Нет... — осекаюсь, теряя свою непоколебимую уверенность.

— Я, возможно, самый ужасный человек, но ты не лучше, Эля. Разве это любовь? Ты вычеркнула меня из своей жизни вот так просто. А сколько было сказано красивых слов... Ты такая же лгунья, как и я!

Замираю, а после уже не могу остановиться:

— Это я лгунья, я не любила? Как ты смеешь, после всего... Разве это я изуродовала тебе жизнь? Я скрылась с места аварии? Я спорила на тебя, как на кусок мяса? Я врала и прикидывалась другим человеком? Смотри на меня, Доронин, это все делала я?! Как у тебя только хватает совести... Даниил, это не игра, слышишь? Уходи, все кончено. Хватит с меня твоих игр! Хватит!

Ору, закрывая уши руками, по стене оседая на пол.

Доронин тянется ко мне, но я пресекаю любые его попытки одним только взглядом. Мне так больно. Невыносимо. Он — чудовище. Чудовище, в которое я имела глупость влюбиться. Почему судьба так коварна? Почему человеком, который смог собрать меня по крупицам, стал именно тот, кто сломал?!

Глава 1

«Ночь. Вы когда-нибудь задумывались о том, что чувствуют незрячие? Ведь их жизнь — вечная ночь. Темная, холодная, страшная. Когда ты находишься в коме, то испытываешь то же самое. Нет никаких туннелей, яркого света или же какой-то иной счастливой реальности. Нет. Есть только тьма и ничего больше.

Наверное, первое, что тебя раздражает, когда ты приходишь в себя, это свет. Яркий, режущий. Он кажется чужим. Ты привыкаешь к вечному сумраку настолько, что лучи солнца больше тебя не радуют.

Когда я открыла глаза, то первое, что увидела и почувствовала, был белый потолок и встроенные в него лампы. Они светили слишком ярко. Выжигали мои глаза, терзали их и будто смеялись. Они глумились надо мной и моей беспомощностью.

Второе — мамыны руки. Они с такой силой стискивали мое запястье, что хотелось закричать, чтобы она их убрала. Но голоса не было, только нездоровые, еле слышные хрипы.

Третье — это боль. Адская, поглощающая. Она пыталась мое тело, не останавливаясь ни на минуту.

Четвертое — страх. Жуткий. Порождающий панику страх.

Я не видела себя, не знала, что со мной. Не помнила, я почти ничего не помнила... Только то, как мы возвращались в город с дачи. У Ольки с Витькой была такая замечательная дача в основном поселке, летом мы ездили туда на шашлыки, а зимой —

кататься на лыжах. Мы ехали, пели песни, улыбались и совершенно не подозревали, что через минуту все закончится.

Помню удар, помню, как мир крутился вокруг меня, пока машина, переворачиваясь, полетела в кювет. Помню боль, крики, вспыхнувший огонь. Я помню, как рыдала Оля. Так громко. А еще помню, что так и не смогла дотянуться до ее руки, которую она мне протягивала.

Эти крики, жуткие образы, вездесущее пламя — они врываются в мое сознание, а я металась по больничной койке в агонии, хрипела, вновь и вновь проживая ту ночь. Мне кололи успокоительное, обезболивающее, но это не помогало. Из раза в раз я открывала глаза и проходила через этот ад. Снова и снова. Снова и снова».

Настоящее.

Мама стоит в кухонном проеме, на голове у нее закрученное полотенце, отчего она походит на египетскую мадемуазель времен фараонов. На ней васильковая пижама и смешные тапки-единороги, которые я подарила ей на Восьмое марта. Милые, пушистые и пестрые. Она долго смеялась, но не забросила их в недра шкафа, а поставила красоваться перед кроватью и теперь каждое утро разгуливает в них по дому.

Она внимательно наблюдает, как я обуваюсь, и делает глоток черного, но до ужаса сладкого кофе. Я такой приторный не люблю.

Разгибаюсь, вешая на плечо сумку. Мамуля пробегает по мне взглядом, ее лицо украшает улыбка. Она теплая, родная.

— Не задерживайся, — целует в щеку, поправляя воротничок моей рубашки.

Мама всегда так делает, когда я собираюсь выходить из дома. Провожает. А еще, наверное, безумно за меня переживает. Я ее понимаю. После всего, что им с отцом пришлось пережить, я бы тоже караулила своего ребенка у дверей.

А возможно, таскала бы с собой за руку, и плевать, что ему уже девятнадцать лет.

У меня замечательные родители, самые лучшие на свете. И я благодарна Богу, что мне с ними так повезло.

— Хорошо. Если что, я позвоню и предупрежу тебя.

— Договорились.

— А папа скоро вернется? — спрашиваю, взяв с полки зонт.

— Обещал к концу недели.

— Я по нему уже соскучилась. Знаешь, я иногда жалею, что он в постоянных разъездах.

— Не поверишь, но в этом я тебя понимаю, — усмехается мама. — Все, беги, а то опоздаешь.

— Точно.

Выйдя из подъезда, с опаской перехожу дорогу и с растущим страхом сажусь в автобус. Он набирает скорость, и я чувствую, как волосики на руках встают дыбом. Нужно перетерпеть. Всего пару остановок. Совсем немного...

Пока автобус скользит по мокрой дороге, а по его окнам струятся водные реки, расплываясь по стеклу паутинкой, я замороженно наблюдаю за маленьким мальчиком, лопающим огромную сладкую вату розового цвета. В детстве я обожала ходить с родителями на карусели. Мы проводилив парке целый день: гуляли, катались, лежали на траве и были самыми счастливыми. Такие воспоминания бесценны.

Я хорошо помню свое детство. Оно было ярким. Родители старались сделать его таким настолько, насколько могли. Мы часто гуляли, играли, почти все делали вместе. Я была желанным ребенком и это всегда чувствовала. Остро чувствовала.

Даже в школе почти всех моих подружек постоянно пугали, заставляли хорошо учиться, наказывали за малейшую провинность, запирали дома. А меня... нет. Родители мне доверяли, в любой ситуации старались найти компромисс, поговорить. Вообще, они всегда со мной общались, пытались понять, что я чувствую и насколько это для меня важно. Наверное, из

них вышли бы отличные психологи. О своем детстве я помню только хорошее. Самые светлые воспоминания у меня именно оттуда.

Перешагиваю через лужу и, ускоряя шаг, иду к зданию университета. Я мечтала поступить сюда, как только стала задумываться о будущей профессии. Мне всегда хотелось, чтобы моя работа была креативной, такой, где я бы могла реализовывать все свои самые странные идеи, которых всегда было предостаточно. Наверное, поэтому и пошла на связи с общественностью. Тут тебе и пиар, и реклама.

Я хотела учиться именно здесь, в МГУ. Поэтому, пока мои одноклассницы ходили на дискотеки, я сидела за учебниками — я знала, что, кроме меня самой, никто не поможет мне сюда поступить. Мои родители не потянули бы платное обучение в таком месте. Поэтому я должна была стараться и много работать. У меня был план, была цель, и я их достигала.

Олька, моя подруга, находилась в таком же положении и дни напролет сидела над химией и биологией, потому что собиралась поступать в медицинскую академию.

Мы днями и ночами зависали у меня в комнате, мама приносила нам вкусняшки, подкармливала наши уставшие мозги, папа частенько рассказывал смешные истории из своей студенческой жизни. Он, кстати, тоже учился в МГУ, даже в аспирантуру поступал. По образованию папа — филолог, но в девяностые ему почти ничего не платили. Так что ему пришлось начать ездить челноком в Турцию.

Теперь у него свой магазинчик. Мама там и бухгалтер, и продавец. В общем, такой вот небольшой семейный бизнес. На жизнь нам хватает.

Конечно, за последний год денежные сбережения иссякли, но родители пытаются не подавать виду. Но я-то знаю, что дела идут не так хорошо, ведь почти все было потрачено на мое лечение.

Нам повезло, что друг отца работает на кафедре в моем вузе и любезно, хоть я и уверена, что не бесплатно, замолвил за меня словечко, чтобы мне позволили сдать пропущенные сессии экстерном и продолжить обучение после почти годового отсутствия в той же группе. Мне стоило это нервов и сил, но я смогла не подвести папу.

Тяну дверь на себя, чувствуя прилив энергии, смешанной с волнением.

Оказывается, это так страшно — вновь оказаться здесь. В этих стенах. Как дурочка, рассматриваю огромный вестибюль, а когда понимаю, что опаздываю, несусь наверх. Спешно шагаю по коридору пятого этажа, чувствуя на себе не слишком приятный взгляд двух стоящих у окна парней.

Оборачиваюсь совсем немного, так, чтобы на них не пялиться. Мое внимание сразу привлекает тот, что повыше, со взъерошенными волосами. Будто он только что поднялся с постели. Ну, или же спал где-то на подоконнике, хоть на этом, к которому сейчас прижимается скрестив руки на груди. Лицо я не разглядываю, чтобы не выдать свой интерес. Кроме этого хаоса на голове, я замечаю дыру в джинсах на все колено и режущую глаз кипенно-белую рубашку. Кстати, она идеально отглажена. Такое ощущение, что надевал ее один человек, а укладывал волосы уже другой.

Эти двое никуда не спешат. Стоят, беседуют и явно упоминают в разговоре мою персону, по крайней мере, мне так кажется. Я уже хочу забыть об этом «столкновении», но вдруг этот холеный тип с отвращением смотрит на мою обувь. Мне тут же становится не по себе. Такой пренебрежительный, насмешливый взгляд, словно он увидел что-то мерзкое. Обхватываю себя руками за плечи и спешу убраться отсюда подальше.

Меня еще долго преследует это странное и неясно откуда взявшееся чувство стыда. Будто меня в чем-то уличили, но я не понимаю, в чем...

Первой парой стоит «Теория и практика массовой информации». По мнению Оли, я странный человек, ведь у меня нет нелюбимых предметов. Я люблю учиться, узнавать что-то новое. Ведь как еще можно расширить свой кругозор?

Может показаться, что я заучка и типичная серая мышь. Но это не так. К своей внешности я никогда не относилась наплевательски. Всегда делала укладки, макияж, красила волосы в разные цвета и была до ужаса рада, что у моих родителей именно магазин одежды. Мне нравились стильные вещи в аккаунтах инстаграм-моделей и блогеров¹. Оттуда нередко можно было почерпнуть идеи луков, что я, впрочем, и делала.

Правда, в последнее время мои легкие кружевные платья сменились джинсами, а высокие каблук — обувью на плоской подошве. Но это лишь потому, что мини меня теперь вовсе не украсит. Скорее изуродует.

В аудитории шумно. Преподавателя еще нет. Все заняты своими делами, в первую очередь, болтовней. Первая пара первого учебного дня на втором курсе.

В том году я мало с кем успела подружиться, а теперь вообще чувствую себя здесь лишней. Все уже давно собрались в группки по интересам, а я осталась одна.

Сажусь на первое попавшееся свободное место и достаю планшет. Галдеж резко прекращается. Соколовская, наш препод, королевской походкой следует к своему столу и, поправив очки, пробегает по нам небрежным взглядом. Она мне не понравилась еще тогда, в прошлом сентябре. Высокомерная, с головы до ног в брендовой одежде и до ужаса не любящая простых студентов. Да-да, Марта Александровна у нас предпочитает ставить пятерки девочкам с сумками, чей ценник улетает в космос, и мальчикам на дорогих тачках. Социальная дискриминация по финансовым возможностям. Не очень-то педагогично, но, думаю, ей до этого дела нет.

¹ Компания Meta Platforms Inc и ее соцсети Facebook и Instagram запрещены в России.

— Переведенная? — Марта Александровна с прищуром рассматривает мое лицо, опускаясь взглядом ниже.

Одета я вполне нормально: светло-голубая рубашка, жилет винного цвета, джинсы с легкими подворотами. Не бренды, конечно, но и не на помойке же я все это взяла.

Хотя Соколовская, кажется, думает иначе. Слегка приподнимает свою идеально перманентную бровь.

— Нет, академ был по болезни.

— Ясно, — она тут же отводит взгляд.

Следующие полчаса я записываю все, что она говорит. Иногда посматривая на часы, ощущаю легкое чувство голода. И почему не позавтракала? Мама же предлагала.

К концу пары Марта просит нас подготовить доклады к следующему занятию и быстро раскидывает темы.

На большом перерыве я остаюсь вс так же одна. Стою в стороне, не решаясь заводить новые знакомства. Читаю книжку и пью сок, сидя на подоконнике напротив аудитории, которую до сих пор не открыли. Я настолько погрузилась в сюжет, что совсем не замечаю чужое присутствие. Оборачиваюсь и вздрагиваю.

— Привет.

— Привет, — бормочу, немного шокированная.

— Я Аня, помнишь? — говорит невысокая темноволосая девушка.

— Конечно помню.

В том году мы довольно не плохо общались, Аня даже пару раз навещала меня в больнице, но потом исчезла. Я ее, в принципе, понимала. Не так уж близко мы были знакомы, чтобы сидеть у меня в палате каждый день.

— Я рада, что ты смогла вернуться. Хорошо выглядишь.

— Куда лучше, чем ты видела меня в последний раз, — усмехаюсь.

— Это точно. Ну, как первый день? Освоилась?

— Вполне себе.

- Все изменилось, правда? — Аня загадочно улыбается.
- Что-то есть.
- А знаешь что? Или еще не поняла?
- Просветишь?
- Я, ты, Дашка, вон в белом платье, — принялась перечислять Аня. — Марат сзади тебя на первой паре сидел, Никита, ты его еще не видела... Мы здесь немного лишние.
- В смысле?
- Мы бюджетники.
- И что?
- Ничего. В других группах ничего, а в нашей, как бы тебе сказать... В нашей есть элита и есть мы — отбросы.
- Что за бред? Мы уже не в школе. Да даже там такого не было!
- А даже на всем нашем потоке такого нет. Только в нашей группе. А все знаешь из-за кого? Вот, — Аня кивает в конец коридора, — Викуша Дягилева, королевшишна наша. Это с ее подачи пошло это дурацкое деление. Видите ли, не барское это дело — с холопами на равных быть.
- Мне кажется, ты преувеличиваешь.
- Я преуменьшаю и предупреждаю. Не ведись, если они будут с тобой любезничать, приглашать куда-то... В том году Леську опозорили. Она даже документы из ВУЗа забрала.

* * *

После пар я иду домой пешком. Погода решила смилостивиться и даже явить нам солнце. Лужицы теперь поблескивают в этих ярких лучах и уже не выглядят такими унылыми.

Во дворе вновь замечаю парней, которых видела с утра. Они опять на меня как-то странно смотрят, или мне это кажется? Мне вообще всегда кажется, что я как-то выделяюсь. В плохом смысле. Если в толпе кто-то посмеется, я буду уверена, что надо мной. Хоть внешне и стараюсь казаться отстраненной и сдержанной, на самом деле я до ужаса скромная. Всегда такой была,

а вследствие некоторых событий прошлого года эта черта эволюционировала в непоколебимую неуверенность в себе.

Ускоряю шаг и, больше не смотря по сторонам, иду домой.

По дороге захожу к Оле. Она сейчас дома, точнее, она всегда дома. Надавливаю пальцем на кнопку звонка и жду, когда мне откроют дверь. Витька, стоящий на пороге, улыбается и сжимает меня в свои медвежьи объятия.

— Привет, — глажу ладонями его спину. — Как вы? Уже гуляли?

— Как раз собирались.

— Вить, кто там? — раздается из комнаты.

— Оль, Элька пришла.

— Оля-я-я-я-я! Привет.

— Приве-е-ет, — она выезжает из комнаты.

Ее руки упираются в ручки коляски и кажутся такими мощными. Я вижу выступающие венки на ее запястьях и внутренней стороне предплечья. Оля улыбается, потому что уже смирилась.

— Я к тебе в гости, но Витька сказал, вы на улицу собрались.

— Ой, давай потом с этой улицей. Пошли на кухню, расскажешь, как на учебу ходила. Интересно же.

Я следую за ней на кухню и все думаю о том, как она может так держаться. Я бы на ее месте сошла с ума. Оля такая сильная, а я слабачка. Подумаешь, ожоги...

— Эль, ты там опять меня жалеешь? — Ее губы изгибаются в грустной улыбке. — Не стоит. Мне от этого не станет легче. Я хочу забыть все, что было, и двигаться дальше. Тебе советую сделать то же самое. Кстати, я же теперь прохожу дистанционное обучение. Врачом, конечно, мне уже не стать, но экономика тоже вполне интересная сфера.

— Я так за тебя рада.

— Ой, лучше расскажи, как прошел первый день в универе?

— Хорошо. Только как-то многовато страшилок мне пона-
рассказывали. Социальное неравенство, элита, холопы. Бред
какой-то...

Как бы я ни старалась это игнорировать, но от этих предо-
стережений меня передернуло.

В прошлом году все общались друг с другом на равных,
правда, и Дягилевой тогда еще с нами не было — она переве-
лась только в середине года. И вот теперь... Меня не то чтобы
это напрягает, но все же заставляет почувствовать себя слегка
не в своей тарелке. Почти на всех перерывах разговоры одно-
группников сводились к тому, кто где был летом, какую новую
шмотку приобрел и в каких клубах тусил на выходных. Так вот,
в Турции никто из них не отдышал, зато я услышала столько
названий экзотических островов и городов, что мне помере-
щилось, будто я снова в школе на уроке географии.

— Собирище богатеньких уродцев?

— Да нет, все достаточно адекватные. Мне кажется, что
Аня преувеличивает...

— Это хорошо. Но ты все же будь поаккуратнее, мало ли
что у них там в башке. Может, вина? Отметим, так сказать.

— А тебе можно?

— Ой, да можно, конечно. Достали эти таблетки. Ты как?
Поддержишь?

— Спрашиваешь...

— Ви-и-ить, принеси вино с балкона, которое мама делала.

Витька копошится за стенкой, а потом приходит с пласти-
ковой полуторалитровой бутылкой красного напитка.

— Малиновое, — объявляет он, ставя бутылку на стол. —
Вы тут без фанатизма, а то некоторым завтра еще на массаж, —
и стреляет в Олю глазами.

— Я помню. Мы немного.

— Сестрен, пока Элька здесь, я до сервиса добегу. Мне
Анатолий Андреевич работу предложил.

— Иди, конечно, — распоряжается Оля.

А меня слегка передергивает от имени ее бывшего свекра.

Когда мы остаемся вдвоем, под Олюшкиным чутким руководством я хозяйничаю, выставляя на стол пару тарелочек с едой.

— Ну, все, садись, хватит уже, — хмурится подруга. — Как ты? Выглядишь грустной.

— Нормально, Оль, просто... сама знаешь. Никогда бы даже в страшном сне не представила, что наши жизни сложатся вот так. Извини, давай не будем. Лучше выпьем. За встречу!

— За нее. Кстати, вчера этот несуразный следователь приходил. Сказал, дело закрыли.

— В смысле?

Хорошо, что я уже успела проглотить вино, иначе оно бы встало у меня поперек горла от таких новостей.

— Сами мы, Элька, в кювет слетели. Никто в нас не въезжал.

— Что за бред?

— А вот так. Записи с камер якобы нет. И никогда не было. Машина наша в мясо, но никаких доказательств удара. Короче, сами мы. Скорость, наверное, превысили, а участок был не безопасный.

— Но как же так? Я помню. Помню красную спортивную машину, Оля!

— Беда в том, что ты одна ее помнишь. Меня сразу вырубило, я понять ничего не успела. А Витька видел только слепящий свет фар, но опять же, что со страху не примерещится. Да еще и под градусом.

— Каким еще градусом?

— А таким. Следак сказал, что Витька пьяный был. Да-да, врачи заключение в тот же день дали, сразу после операции, и в крови был обнаружен алкоголь.

— Мы же не пили, — шепчу, — мы чернику собирали. И не было никакого заключения. Еще месяц назад не было!

— Вот и пособирали. Весело, Элька, так весело, что выть от этого веселья хочется.

— Может быть, можно что-то еще сделать... адвоката нанять другого.

— Думаю, там уже ничего не изменится. Все уже решили где-то сверху, очень далеко от нашего с тобой мира.

Ответить мне на это нечего. Мы сидим так часа три. Болтаем, пьем вино, и я ухожу домой. Пока иду по тротуару, меня не покидает ощущение, что на меня кто-то смотрит. Оглядываюсь, никого нет. Паранойя какая-то. Ускоряю шаг и почти забегая в свой подъезд.

Мама встречает меня вкусным горячим ужином, подробно расспрашивая о том, как прошел день. И сильно расстраивается, когда узнает новость о следствии. Я ее понимаю, самой тошно.